

Глава 18

Этика и политика

Политика и этика, этика и политика. Выявить реальное соотношение этих двух важных аспектов человеческой деятельности пытались и все еще пытаются как на Западе, так и на Востоке. По этому поводу было немало споров, дискуссий и полемик. В данной главе дается анализ этой проблемы.

18.1. Важнейшие трактовки проблемы

Жизнеспособная и прочная политическая система — это власть плюс законность и эффективность, т.е. способность удовлетворить основные функции управления. Однако и законность, и эффективность во многом определяются тем, насколько государственные институты и сама политическая система в целом соответствуют господствующим в обществе идеалам и ценностям, где морально-этическому началу принадлежит отнюдь не последнее место. Не просто определить этическую систему. Под ней можно понимать общепринятые в данном обществе правила поведения людей и социальных групп, систематический кодекс моральных принципов, теорию, призванную оправдать или осудить те или иные деяния людей. Она занимается проблемами добра и зла, должного и сущего, достойного и недостойного и т.д. Морально-этические ценности и нормы пронизывают практически все сферы жизни людей. Но тем не менее их следует отличать от религиозных, правовых, политических и просто норм этикета. Морально-политическое начало невозможно понять без представлений о добродетели, совести, сознании долга, правил, с которыми должны соотноситься человеческие действия. В этом контексте этика составляет науку о законах и нормах поведения людей. Включая в себя основополагающий элемент идеального и трактуя их в категориях высшего блага, добра, должного и т.д.» она принимает форму учения о ценностях и конечных целях. Мораль — одна из сущностных проявлений человеческого измерения, занимающая особое место по отношению ко всем видам человеческой деятельности. Поскольку политика является одной из важнейших сфер человеческой деятельности, то невозможно ее отделить от этики и морали, тем более противопоставлять ей. Моральные ценности и нормы, имеющие касательство к политическому миру, к его институтам, отношениям, политическому мировоззрению и поведению членов того или иного сообщества, в совокупности составляют политическую этику. *Политическая этика* - это нормативная теория политической деятельности, затрагивающая такие основополагающие проблемы, как справедливое социальное устройство, взаимные права и обязанности руководителей и граждан, фундаментальные права человека и гражданина, разумное соотношение свободы, равенства, справедливости и т.д. Как писал М.Вебер [10, с. 703],

...кто ищет спасения своей души и других душ, тот ищет его на пути политики, которая имеет совершенно иные задачи — такие, которые можно разрешить только при помощи насилия. Гений или демон политики живет во внутреннем напряжении с богом любви, в том числе и христианским богом в его церковном проявлении,— напряжении, которое в любой момент может разразиться непримиримым конфликтом.

Отсюда возникают отнюдь не праздные вопросы: можно ли вообще говорить о политической этике как таковой? Правомерно ли применение к сфере политики категории этики и морально-этических ценностей? Если нет, то можно ли говорить о человеческом измерении в политике? и т.д.

Следует отметить, что в истории политической мысли на эти вопросы давались неоднозначные ответы. Определяя в качестве равной цели политики обеспечение "высшего блага" граждан полиса и предписывая ей нравственно-воспитательную роль, Аристотель, в частности, утверждал [2, с. 467]: "Государственным благом является справедливость, то есть то, что служит общей пользе". Если традиция, идущая от Платона и Аристотеля, рассматривает мораль и политику как единое целое, призванное реализовать принципы справедливости, то христианская традиция взводит понятия "этика" и "политика", воплощенные в "богово" и "кесарево".

Впервые в четко сформулированной форме проблему соотношения этики и политики поставил Н.Макиавелли. Он разработал особое политическое искусство создания твердой государственной власти любыми средствами, не считаясь с какими бы то ни было моральными принципами. Для пользы и в интересах государства правитель должен органически сочетать в себе хитрость и силу, т.е. быть одновременно лисой и львом. Он может не хранить верность своему слову, прибегать к лукавству и вероломству и т.д. одним словом, использовать все средства, которые способны укрепить государство. Для Макиавелли высшая ценность — это государство, перед которым ценность отдельной личности или любые другие ценности отступают на задний план или же полностью игнорируются. Изгнав этику из сферы политики, Макиавелли заменил ее ценностно-нейтральным подходом. Более того, эти аргументы были использованы для обоснования тезиса о том, что в политике цель оправдывает средства. К аналогичному выводу, хотя и с прямо противоположных исходных позиций, пришел и марксизм, особенно в его ленинистской ипостаси. В период возникновения социалистические и коммунистические идеи представляли собой выражение идеальных и нравственных устремлений людей своей эпохи. Существуют некие внутренние механизмы и особенности зарождения, достижения зрелости и постепенного самоисчерпания мобилизационных и интеграционных возможностей разного рода идей и концепций. Провозгласив целью социализма "грядущее избавление от рабства и нищеты", К.Маркс и Ф.Энгельс выступали против "фантастических сентиментальных бредней", которые, по их мнению, могли оказать лишь "деморализующее влияние на рабочих" [43, т. 4, с. 1]. Они высказывались за свободное самостоятельное творчество "нового мира, покоящегося на чисто человеческих, нравственных жизненных отношениях" [там же, с. 593]. Однако в дальнейшем, когда был выдвинут тезис о приоритете социально-экономических факторов и реальных жизненных интересов, эти соображения фактически оказались отодвинутыми на задний план. Более того, уже в "Коммунистическом манифесте" провозглашалась идея о том, что коммунистическая революция "самым решительным образом порывает с идеями, унаследованными от прошлого", в том числе и с моралью [там же, с. 446]. При всех необходимых в данном случае оговорках нельзя не признать, что в марксистской этике центральное место занимает противопоставление "классовой морали" универсальным гуманистическим ценностям. Ф.Энгельс, например, писал [43, т. 4, с. 95-96]:

Мы поэтому отвергаем всякую попытку навязать нам какую бы то ни было моральную догматику в качестве вечного, окончательного, отныне неизменного нравственного закона... Мораль, стоящая выше классовых противоположностей и всяких воспоминаний о них, действительно человеческая мораль станет возможной лишь на такой ступени развития общества, когда противоположность классов будет не только преодолена, но и забыта в жизненной практике.

Наиболее далеко идущие из такой постановки вопроса выводы сделали В.И.Ленин и его сподвижники и последователи. "Наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата", — писал Ленин [40, с. 339]. Здесь мораль поставлена на службу политическим целям, доведена до уровня элемента идеологии.

Если марксизм-ленинизм пришел к отрицанию морально-этического начала в политике, подчинив его всецело так называемой классовой морали, то идеологи фашизма и нацизма добились того же результата, поставив во главу угла своей идеологии национальную мораль, противопоставленную как классовой, так и общечеловеческой морали. Как утверждал, например, А.Розенберг, идея национальной морали стоит выше любви к ближнему. Именно этот постулат послужил в качестве одного из краеугольных камней нацистской политической идеологии, которая возвела профессионализм в массовом истреблении людей в ранг высшей добродетели.

Особого внимания заслуживает позиция позитивизма. Руководствуясь рационалистической традицией, восходящей к Р.Декарту, Т.Гоббсу и другим мыслителям Нового времени, позитивисты стремились свести политику всецело к науке с целью создания механизма разрешения или смягчения политических конфликтов. Например, по мысли одного из основателей позитивизма О.Конта, нет свободы совести в математике и астрономии, ее не должно быть и в социологии. Позже эту установку усвоили и представители других социальных и гуманитарных дисциплин, в том числе и политической науки. Считалось, что политическая

наука, раскрывая причинно-следственные закономерности и связи в конкретных сферах, дает возможность определить те величины, действуя на которые, можно достичь желаемых результатов. Наиболее далеко идущие выводы из такой постановки вопроса сделали сторонники утилитаризма. Его основатель И.Вентам, отказавшись от постулата просветителей о том, что общее благо достигается в том случае, если люди руководствуются установками естественного права и вечных законов природы, искал мерило их должного поведения в практической личной выгоде.

Постепенно торжество рационализма, сциентизма и научных методов исследования политических феноменов привело к отделению фактов от ценностей, объективизации, ценностной нейтрализации позитивистской политологии. Несовместимость фактов и ценностей постулировалась на том основании, что суждения о последних не содержат объективных знаний, а составляют эмоциональную реакцию на конкретные обстоятельства, истинность которой не поддается научной верификации. Провозглашенная позитивистами нейтральность или беспристрастность политической науки привела к тому, что нравственные аспекты политики были объявлены "личным делом" участников политического процесса, не имеющим никакого отношения к политическому анализу. Следуя этому принципу, позитивисты выступали за то, чтобы юриспруденция занималась разработкой исключительно позитивного права — *jus qua jussum*, отбрасывая проблему справедливого закона — *jus qua justum*. Эту позицию наиболее четко выразил, пожалуй, известный французский писатель А.Франс, который утверждал: "Из всех пороков, опасных для государственного деятеля, самый пагубный — добродетель, она толкает на преступление"

18.2. Политика между профессионализмом и моралью

Древний постулат, согласно которому мораль понимается как выбор достойных средств для достижения разумно поставленных целей, лежит в самом основании политики. И действительно, в политике, где центральное место занимает человек, нельзя игнорировать то, что можно обозначить понятием "человеческое измерение". Там, где речь идет о понимании и толковании человека, человеческих целей непременно присутствует ценностное начало. Уже по самому своему определению политика и изучающая ее политология пронизаны морально-этическим началом, поэтому политика не может не иметь морально-этического измерения. Доводы относительно того, что политика должна основываться исключительно на прагматизме, что "чистые руки", т.е. мораль, несовместимы с политикой, не во всем соотносятся с сущностью политики как результата и поля деятельности человека — морально-этического по своей природе существа. В этом контексте неправомерна сама постановка вопроса в форме противопоставления морали и политики. В реальной действительности, как отмечал К.Г.Баллестрем [5, с. 84], "политическое действие разворачивается в поле напряжения между властью и моралью".

Поэтому задача политика состоит в том, чтобы найти оптимальную линию для адекватного отображения мира политического и соответственно поиска оптимальных для всего общества решений. Необходимо различать практическую целесообразность и нравственную справедливость. Как отмечал А.А.Гусейнов [80, с. 10],

...надо отличать необходимое и допустимое от нравственно достойного и желательного. Смертная казнь допустима, на данном этапе развития общества даже практически необходима, но она не может быть оправдана с позиций высших этических ценностей. Несовершенны общества, которые практикуют смертную казнь, но трижды несовершенны те из них, которые гордятся этим.

Функционирование современного государственного аппарата и механизма политического управления невозможно представить себе без рационально разработанных, твердо установленных и обязательных формальных правил, без строгой профессионализации политики и механизма управления. Инструментом и одновременно результатом такой профессионализации, в частности, стала бюрократия, которая основывается на принципах профессиональной компетентности, иерархии и специализации функций. В данном контексте, естественно, возникает вопрос о соотношении профессионализма и нравственности. М.Вебер проводил различие между чиновником и политиком [10, с. 666]:

Подлинной профессией настоящего чиновника... не должна быть политика. Он должен "управлять" прежде всего беспристрастно.... по меньшей мере официально, коль скоро под вопрос не поставлены "государственные интересы", то есть жизненные интересы господствующего порядка. *Sine ira et studio* - без гнева и пристрастия должен он вершить дела. Итак, политический чиновник не должен делать именно того, что всегда и необходимым образом должен желать политик — как вождь, так и его свита, - бороться... Ибо принятие какой-либо стороны, борьба, страсть - *ira et studium* - суть стихия политика, и прежде всего политического вождя.

Деятельность политика и деятельность чиновника подчиняются различным принципам ответственности. Чиновник обязан точно и добросовестно выполнять приказ вышестоящего начальника (если даже он ошибочный). Без такой нравственной дисциплины невозможно функционирование любого аппарата. Политический же руководитель или государственный деятель несет личную ответственность за все свои действия. А это со всей очевидностью предполагает наличие у субъекта ответственности морально-этических позиций и убеждений. С этой точки зрения профессионализм и эффективность чиновника и есть показатель его нравственности, верности своему профессиональному призванию и долгу.

Необходимо провести линию разграничения между правом и нравственностью. А.Шопенгауэр сформулировал следующий постулат: "*Neminem laede, sed omnes, quantum est, inva* — никому не вреди, но всем, насколько можешь, помоги". Первая часть этого постулата отражает золотое правило "не делай другим то, что ты не хотел бы, чтобы другие делали тебе", т.е. необходимость признания наряду с собственными правами и права остальных сограждан. Вторая часть постулата выражает морально-этический аспект, предусматривающий наряду с соблюдением личного, эгоистического интереса и заботу о благе остальных. В политике это архисложная задача, и особенно важно не допустить перекоса в какую-либо сторону: профессионализма в ущерб нравственности и, наоборот, нравственного начала в ущерб профессионализму. Подчинение права нравственности, предполагая юридическое определение последней, означает стремление к насильственному насаждению справедливости и добра и может привести к всевластию государства. Об этом со всей очевидностью свидетельствует опыт тоталитаризма, где политика всецело подчинена идеологии, претендовавшей на принудительное ошачествливание всех людей. Здесь, как отмечал Н.Бердяев, правда-истина была соединена с правдой-справедливостью и, добавим, со своеобразно понимаемой распределительно-уравнительной правдой-справедливостью. В результате истина оказалась принесенной в жертву соблазну великого инквизитора, требующего отказа от истины во имя народного блага.

Подлинная любовь к народу не может основываться на игнорировании истины, какой бы горькой и неприятной она ни была. Однако выделение и определение истины в сфере политического — задача особенно трудная. Как справедливо подчеркивал М.Вебер, практический политик может занять некую среднюю позицию, играя роль посредника между конфликтующими сторонами, или принять позицию одной из сторон. Ни то, ни другое не имеет ровным счетом ничего общего с научной объективностью. Там, где замалчиваются неприятные или неприемлемые факты жизни, ни так называемая средняя линия, ни идеалы крайне правых или крайне левых ни на йоту не приближаются к научной истине. М.Вебер считал опасным самообманом убеждение в том, будто можно получить практические нормы, обладающие научной значимостью, посредством синтеза ряда партийных точек зрения или построения равнодействующей, ибо такая позиция, стремящаяся часто к релятивированию и маскировке собственных ценностных масштабов, представляет собой значительно большую опасность для объективного исследования, чем прежняя наивная вера партий в научную "доказуемость" их догм [10, с. 553].

Любой политик так или иначе сталкивается с вечной и в сущности неразрешимой антиномией между справедливостью и эффективностью, свободой и равенством. Мировой опыт дает достаточно примеров того, что эффективное функционирование любых сфер жизнедеятельности, в первую очередь социально-экономической, требует конкуренции, но конкуренция жестока, она порой не знает пощады к людским судьбам, а порой и к самой человеческой жизни. Однако такова жизнь! Без конкуренции, без соперничества она чахнет. Вместе с тем любая общественно-политическая система, любой режим не может сколько-нибудь длительное время существовать без легимитизации, которая в свою очередь нереальна хотя бы без видимости соблюдения элементарных норм справедливости. Более того, справедливость является одним из краеугольных камней любой теории легитимности. Не случайно тиранические режимы неизменно декларируют свою приверженность принципам справедливости. Истинная же справедливость требует относиться ко всем людям как к равным, но в то же время не приемлет стремления принуждать их стать равными, поскольку это связано

с административным уравниванием не равных по своим способностям людей, а следовательно, означало бы неравное, т.е. несправедливое, к ним отношение.

В трактовке данного вопроса существует самый широкий спектр мнений. Социалисты и левые либералы решительно выступают за так называемую перераспределительную справедливость. А консерваторы усматривают в ней ущемление свободы тех, кого облагают налогами для обеспечения фондов распределения, например видный представитель консерватизма Ф. фон Хайек считал, что справедливость предполагает распределение или перераспределение материальных благ, а это в свою очередь предполагает наличие распределителя, который осуществляет этот акт в соответствии со своим субъективным пониманием добра и зла, справедливости. В свободном обществе и рыночной экономике нет и не должно быть распределения или перераспределения, т.е. вообще нельзя вести речь о социальной справедливости. Здесь все действия совершаются естественным путем, и каждый участвующий в этом механизме получает свое. Речь может идти о помощи людям при несчастном случае, при стихийных бедствиях, болезнях, катастрофе, но не об исправлении или восстановлении социальной справедливости.

Иной точки зрения придерживается либерал Дж.Роулс, теория справедливости которого в последние два десятилетия пользуется особой популярностью. Роулс считает, что подобно тому, как истина составляет главную добродетель науки, справедливость есть главная добродетель общественных институтов. Независимо от своей стройности и привлекательности любая теория подлежит замене, если обнаруживается ее несоответствие фактам. То же самое и в отношении общественных институтов и законов, если они продемонстрировали свою несправедливость. В силу того что любой индивид пользуется правом неприкосновенности своей личности, ни одно общество, претендующее на приверженность принципам справедливости, не вправе нарушить это право ни под одним предлогом. Подобно тому, что единственным оправданием применения ошибочной теории является отсутствие лучшей, так и "несправедливость становится терпимой, если необходимо избежать еще большей несправедливости"[143].

Долг общества — обеспечить своим членам условия для достойной человека жизни. У общества не может быть целей, отличных от целей своих членов. Поэтому гражданство представляет собой не только юридически-правовой статус, но и социальное состояние. Равенство перед законом и связанные с этим гражданские права в правовом государстве составляют лишь часть, которую необходимо дополнить политическими и социально-экономическими правами.

Очевидно, что обеспечение подлинной свободы в обществе предполагает, чтобы каждый человек стал гражданином не только в юридическом и политическом, но и в социальном плане. Политическое равенство — это не самоцель, а исходное состояние, которое создает равные для всех условия выбора. Оно служит тем фундаментом, на котором процветает свобода. Свобода остается недостижимой мечтой, пока каждому члену общества не будет обеспечен равный доступ ко всему разнообразию жизненных шансов.

Это предполагает создание защитных мер, дабы никто не мог пасть ниже общего исходного статуса. Поэтому естественно, что одной из важнейших функций гражданского общества и правового государства является обеспечение минимальных необходимых средств существования для всех своих членов, прежде всего тех, которые в силу разных причин не в состоянии это делать сами (инвалиды, больные, престарелые, дети-сироты и т.п.). Данную задачу первоначально выполняли главным образом разного рода институты гражданского общества: кровно-родственные, сельские, соседские общины, церковные организации, благотворительные организации и фонды, профессиональные общества, профсоюзы и т.д. Позже в силу различных причин значительную часть ответственности за обеспечение необходимого уровня жизни в XX в. взяло на себя государство. Более того, в индустриально развитых странах в результате неуклонного расширения социальных программ, осуществляемых государством, утвердилось государство благосостояния, составной частью которого является широкий комплекс программ, призванных обеспечить приемлемый уровень жизни непривилегированным слоям населения — старикам, инвалидам, всем категориям нетрудоспособных членов общества. В качестве одной из главных целей государства благосостояния его приверженцы выдвинули "расширение" демократии — предоставление всем членам общества не только юридических и политических, но также социальных прав путем справедливого, с их точки зрения, перераспределения доходов. В социал-демократии и либеральном реформизме государство благосостояния рассматривается как гарант обеспечения социальной справедливости и социальные программы стали неотъемлемой частью правового государства.

18.3. Антиномии равенство - свобода, реальное - идеальное

При решении проблемы справедливости перед любым политиком так или иначе встает вопрос о свободе и равенстве, правах : обязанностях человека и гражданина. Ключевое место здесь занимает идея личной свободы. Она выступает как источник и зава, и нравственности. Сам факт утверждения гражданского начала тесно связан с упрочением идеи свободы личности. Максимум гражданской свободы обеспечивает максимум нравственной Свободы. Вместе с тем, как подчеркивал Ф.М.Достоевский, свобода без внутреннего самоограничения ведет к распушенности. Свобода личности имеет смысл лишь в соотнесенности с чем-то другим, о ней как о ценности можно говорить лишь в отношениях между людьми. С этой точки зрения свобода составляет важную, но не единственную сущностную характеристику человека. Будучи разумно-нравственным существом, человек живет и действует, не только преследуя собственные эгоистические цели и интересы, но и носит в себе сознание сверхличных, стоящих над ним начал и законов (сверхличных в том смысле, что отдельный индивид немислим вне общества и общественных связей). Человек сам по себе не может быть мерой всех вещей. В этом качестве он может выступать лишь как существо нравственно-разумное, которое руководствуется оснрвополагающими морально-этическими нормами и установками, составляющими некую невидимую ось, обеспечивающую сущностное единство общества. С точки зрения оранжировки и определения приоритета целей и средств их достижения актуальна проблема соотношения идеального и реального в политике. Как указывалось выше, этика, в том числе и политическая, включает в себя элемент идеала и соответственно идею о конечных целях общества. Естественно, что в точке пересечения этики и политики особую актуальность приобретает вопрос об общественном идеале, а также о соотношении целей и средств. "Что всегда превращало государство в ад на земле, так это попытки сделать его земным раем", — писал Ф.Гельдерлин. Попытка определить конечную цель политического действия, тем более реализовать идеал совершенного общества, не согласуется с основными принципами как моральной философии, так и самой природы человека. В истории не было и не могло быть прямолинейного прогресса добра, совершенства, справедливости, счастья, ибо сам человек является средоточием как светлых, так и темных, как божественных, так и дьявольских начал, начал добра и зла.

При разработке того или иного общественного идеала необходимо исходить из постулата о свободе бесконечного развития, а не цели достижения полной гармонии всех аспектов жизни. Подобно тому как видимый физический горизонт есть всего лишь иллюзия, за которой простирается бесконечность, мыслимый человеком моральный горизонт также является иллюзией, за которой лежит бесконечность действий и устремлений. Понятие бесконечности — фундамент общего миропонимания, оно должно быть краеугольным камнем также моральной философии. По словам П.Новгородцева, путь морального прогресса — это путь исканий и стремлений, человек идет по этому пути, не останавливаясь на достигнутом и преодолевая препятствия [73]. Здесь имеется в виду не достижение конечных целей и окончательных решений, а непрерывающееся стремление к вечному идеалу. Этот идеал, собственно говоря, и может существовать как идея, утопия, отдаленная цель, которую невозможно в полной мере достигнуть, но к которой люди всегда будут стремиться. Пытаясь реализовать эти стремления, они идут к более совершенному обществу с более гуманными, свободными, демократическими отношениями.

Когда мы слышим о том, что такая-то партия, придя к власти, не реализовала все свои программные установки, обещания, или что такому-то идейно-политическому течению не удалось сформулировать программу, в полной мере соответствующую существующим реальностям, или что программа "великого общества" Л.Джонсона (государство благосостояния) потерпела неудачу в решении проблем бедности и социального равенства в США, то это говорит не столько о несостоятельности программы, предлагаемой определенным идейно-политическим течением, сколько о невозможности втиснуть все многообразие социального бытия в прокрустово ложе каких бы то ни было схем и проектов. Утверждают, что король Кастилии и Леона Альфонсо X, правивший в XIII в., заявлял, что если бы Бог посоветовался с ним, когда создавал мир, получил бы неплохой совет. Возможно, нам следует возблагодарить всевышнего за то, что он не обратился к самонадеянному монарху за таким советом.

Вечная антиномия между идеалом и реальностью постоянно самовоспроизводится, поскольку реальность не может быть статичной, неизменной, раз и навсегда утвердившейся. Всякая идеальная конструкция создается путем экстраполяции количественных переменных и параметров наличного состояния на будущее, которое имеет собственную систему

детерминаций, приоритетов и предпочтений. В данном контексте легче понять принципиальную невозможность разрешения антиномии между свободой и равенством. Обе эти категории представляют собой идеалы, желательные для большинства людей, но практически недостижимые. Теоретическое допущение полной реализации идеала свободы предполагало бы ущемление равенства и, наоборот, полная реализация идеала равенства — ущемление свободы.

Если я не стою за себя, то кто встанет за меня? Если я только за себя, то кто я? Если не сейчас, то когда?

Если принять за отправную точку это изречение из Талмуда, то одинаково несостоятельными морально окажутся как учения, проповедующие неограниченный индивидуализм, так и учения, которые требуют жертвовать благосостоянием и счастьем ныне живущих во имя будущих, еще не родившихся поколений. Как подчеркивал А.И.Герцен, каждое поколение — это свой собственный мир, "цель для каждого поколения оно само" и нельзя приносить его в жертву, превращая в опору, призванную всеми своими силами поддержать свод еще неспроектированного и непостроенного здания, предназначенного для будущих поколений. Все предшествующие поколения носили в себе и свою цель, и свое оправдание. Иначе потеряли бы смысл и значение как исчезнувшие древние цивилизации, так и деяния наших предков. Нет и не может быть такого состояния общественного бытия или такой организации социальной жизни, где общественный идеал нашел бы полную и завершенную реализацию такого состояния, для которого любое прошлое или любое настоящее могло бы служить средством.

Сама постановка вопроса об окончательном решении, полной реализации той или иной идеальной модели или конечной цели черевата огромной опасностью для самой человеческой свободы соответственно опасностью аннигиляции самой морали и нравственности. Тот, кто верит в возможность окончательного решения всех проблем человечества путем создания совершенной общественно-политической системы, будет готов заплатить за это любую цену, в том числе, как это продемонстрировали тоталитарные режимы, миллионы и десятки миллионов человеческих жизней. По самой своей логике он готов подавлять и уничтожать своих оппонентов, если они не разделяют его целей, искоренять все еретические, по его мнению, взгляды. Поскольку путь к цели далек и долог, необходимо постоянно принимать меры, призванные обеспечить стремление к цели,— подавлять всякую критику, ликвидировать оппозицию, насаждать убеждение в мудрости и всемогуществе предводителя. Один из важнейших принципов такого утопизма состоит в том, что каждая наступившая эпоха будет приноситься в жертву тем, которые придут после нее, и так до бесконечности. Очевидно, что проблему соотношения политических целей и средств невозможно разрешить, основываясь, как это пытался делать Ф.В.Ферстер, на постулате: "Из добра может следовать добро, из зла лишь зло". Исторический опыт показывает, что в сфере властных отношений наидостойнейшего из людей подстерегает множество соблазнов. Как говорили древние греки, власть выявляет истинную суть человека. Приходится констатировать, что последняя складывается из множества константных и переменных величин, где божественное перемежается с сатанинском, благородное с низменным, истинно человеческое с неандертальским, устремленность ввысь с дьявольской одержимостью и т.д.

Очевидно, что не всегда человек выдерживает испытание властью и нередко второе начало одерживает верх. Поистине, как говорил один из героев Честертона отец Браун, "можно удержаться на одном уровне добра, но никому еще не удалось удержаться на одном уровне зла". К сожалению, за примерами, свидетельствующими о верности этого суждения, вовсе не нужно обращаться к отдаленным временам или странам. В нашей сегодняшней жизни их предостаточно. К тому же не всегда человек или идея выступает на общественно-политическую авансцену в своем истинном облике. Случается, что великие идеи приходят в мир в обнимку со злом, а бывает и так, что, как говорил Ф.М.Достоевский, зло приходит в мир в маске добра. Сколько за всю историю разного рода лжепророков, претендовавших на осчастливление всех людей, на деле оказывались сущими антихристами и бессовестными, злодеями, принесшими неисчислимые бедствия и чужеземным народам. Эти примеры демонстрируют верность слов лорда Эктона, который говорил: "Любая власть развращает, а большая власть развращает абсолютно". Нашим политикам, только что освободившимся из тоталитарного плена, стоит всерьез поразмышлять над этим.

Выдвигая хорошие, на первый взгляд, а то и прекрасные идеи, нельзя забывать о реальностях, тем более подгонять под них эти реальности. В этом контексте интерес представляет проводившееся П.Сорокиным разграничение в подходах к этике между неокантианством и социологизмом. Первое говорит словами С.Лотце [80, с. 325]: "Я все еще убежден, что иду

правильным путем, когда ищущий в том, что должно быть, основание того, что есть". Второй же, наоборот, утверждает: "В том, что есть, мы ищем то, что должно быть". Однако, как представляется, нет непреодолимого разграничения между миром сущего и миром должного. А если это так, то нет и резко обозначенной границы между властью и моралью. Идеальная цель, как бы далека и возвышенна она ни была, должна принадлежать реальному миру. Важное место в нашей жизни занимает выбор между возможностями, предоставляемыми реальными условиями, и обстоятельствами. Разумеется, можно пассивно наблюдать, плыть в водовороте политических событий и процессов. Но все же политика немыслима без решений, а всякое решение сопряжено с выбором из двух и более вариантов. На принятие решения непосредственное влияние оказывает то, как принимающий его человек оценивает мир, свое место в нем и происходящие события. Оценки, на основе которых принимаются решения, могут быть сознательными или бессознательными, простыми или сложными, тщательно продуманными или поспешными, основанными на солидной или поверхностной информации.

18.4. "Моральный компромисс" как категорический императив политической этики

Все многообразие результатов и предметов человеческой деятельности, а также сами отношения между людьми оцениваются в категориях добра и зла, истинного и ложного, справедливого и несправедливого, прекрасного и безобразного. Способы и критерии такой оценки, выраженные в форме нормативных представлений, закрепляются в общественном сознании как "субъективные Ценности", установки, оценки, ориентации, императивы, запреты и т.д. В системе ценностей зафиксированы те критерии социально признанного в данном обществе или социальной группе, на основании которых формируются более конкретные системы нормативного контроля и целенаправленные действия людей. Как говорилось выше, гражданское общество представляет собой сферу сотрудничества и столкновения множества частных интересов. Возникает немаловажный вопрос, как достичь совместимости разнородных и противоречивых интересов всех членов общества, их общей воли и морально-этического начала. Способность обеспечивать такую совместимость и делает политику искусством возможного. И это означает не отказ от морально-этического ценностного начала, а то, что сама политическая этика должна быть реалистичной, т.е. учитывать реальные общественные и структурные предпосылки политической деятельности и возможности реализации того или иного политического курса. Учет этих предпосылок предполагает, по определению К.Г.Баллестрема, моральный компромисс [5, с. 92-93]:

<Такой компромисс отнюдь> не означает отказ от собственных убеждений или их дискредитации, он означает признание приоритетов того, что в конкретной ситуации является наиболее приемлемым для большинства; он оставляет право использования собственных убеждений для завоевания этого общества.

Все то, что согласуется с такой концепцией справедливости и готовности к компромиссу, представляет собой отрицание возможности определения истинности моральных убеждений, навязывание собственных моральных убеждений, стремление устранить, как говорил К.Г.Баллестрем, "скандальный плюрализм при помощи диктата добродетели и воспитания". Здесь мораль как сущностное проявление человеческого измерения — это одно, а абстрактное морализирование — нечто совершенно иное. Важно также различать практическую целесообразность, необходимость или неизбежность того или иного действия и его моральную оправданность и обоснованность. То, что исследования и разработки в области химии чреваты для людей и общества опасными последствиями, не означает, что должны быть прекращены изыскания. Но действительно опасен тот химик, который не осознает опасности. То же можно сказать и о политике. Разумеется, идеальным является такой политик, который стремится к достижению наибольшего блага для наибольшего числа людей. Но ни один политик не может гарантировать этого, тем более предвидеть все возможные последствия своих действий. В данной связи М.Вебер писал [10, с. 697]:

Ни одна этика в мире не обходит тот факт, что достижение "хороших" целей во множестве случаев связано с необходимостью смириться и с

использованием нравственно сомнительных или по меньшей мере опасных средств, и с возможностью или даже вероятностью скверных побочных следствий; и ни одна этика в мире не может сказать: когда и в каком объеме этически положительная цель "освящает" этически опасные средства и побочные следствия.

Политик зачастую оказывается перед дилеммой: либо принимать непопулярные и жестокие меры, которые не выдерживают критики с гуманистической и моральной точек зрения, либо, отказавшись от их принятия, оказаться перед перспективой еще более усугубить ситуацию. С одной стороны, максима "политика есть искусство возможного" ставит определенные пределы морализации политики. С другой стороны, этика в свою очередь определяет возможные пределы, за которые политик не может выйти без риска оказаться политическим трупом. С учетом этого, перефразируем известное высказывание: "Политики должны ставить себе всегда только такие задачи, которые они могут разрешить, соблюдая при этом общепризнанные в обществе морально-этические нормы". Но в любом случае главная цель политика должна состоять в том, чтобы показать неправомерность слов поэта П.Валери, который говорил: "Политика — это искусство не давать людям заниматься тем, что для них является главным". Политика, оцениваемая в морально-этическом измерении, как раз и должна обеспечивать условия, позволяющие людям заниматься тем, что для них является главным.

Вопросы и задания для самопроверки

1. Какое содержание вкладывается в понятие "политическая этика"?
2. Перечислите важнейшие трактовки проблемы соотношения морали и политики.
3. Какова ваша собственная позиция по данному вопросу?
4. Каково соотношение профессионализма и морали в политике?
5. Чему в политике следует отдавать предпочтение — праву или нравственности?
6. Какова в политике взаимосвязь между справедливостью, правом и нравственностью?
7. Как решаются в политике антиномии равенство — свобода, реальное — идеальное?
8. Как решается в политике вопрос о соотношении целей и средств?
9. Что вы понимаете под моральным компромиссом и какое содержание вкладываете в известную формулу "политика есть искусство возможного"?